

*Творить, оставаясь свободным,
Иного не надо поэтам.
Синь Цици*

Когда и руки свяжут за спиной,
и цепь прикрутят к обручу на шее, –
добудь свободу, и любой ценой.
А что дороже воли и дешевле?
Когда придётся жить тебе одной,
и пусто станет в сердце ли, в душе ли, –
добудь любовь свою любой ценой.
А что любви дороже... и дешевле?
И если голос – лопнувшей струной,
и горлом кровь, как у певцов издревле, –
ты песню жизни спой любой ценой.
А что дороже жизни... и дешевле?

* * *

Я влюбился в березу,
за её золотую вуалью
нежный взгляд разглядел
одинокой и страстной души,
обручённой давно – ещё в детстве –
с невидимой далью,
в беспредельность влекущей
из этой мертвящей глуши.
Если б знала она,
как я верен, и нежен, и чуток,
как я слушать люблю
вместе с ней в предвечерней поре
сквозь осенний туман
голоса пролетающих уток,
стук созревших орехов
о листья у нас во дворе.
Я касаюсь коры –
шелковистого белого платья,
закрываю глаза,
чтоб никто в них не видел печаль,
потому что всю жизнь
от любви буду к ней умирать я,

даже если сорвёт
с неё вихрь золотую вуаль.

РОВЕСНИЦЫ

Мои ровесницы красивы,
Как много осеней назад,
Как на траве густой – росинки,
Как тронутый морозцем сад.
Они, как память моя, юны,
Вином их душ я напоён,
Они прямы, как будто руны
Среди затейливых письмён.
Мне лгать не надо им. Бесценен
Их дар любой, совет любой.
И с каждым прожитым мгновеньем
Я проникаюсь их судьбой.
Ничто так быстро не проходит,
Как молодость. И лишь они
Напоминают мне про годы
Любви – Господь их сохрани!

Благослови, душа моя,
любимую мою.
Она – воды живой струя,
текущая в раю.
Благослови, моя душа,
земные чудеса.
Пусть жизнь моя прошла, спеша,
но – глядя в небеса.
Душа моя, благослови
животных и людей
и чашу, полную любви,
в сердца людские влей.

СОЛНЦЕ-БЕРЕЗА

Стоит осенняя береза,
как солнце, кроною светясь, –
моя поэзия и проза,
и с жизнью явственная связь.
В её лучах я вижу ясно

свою минувшую судьбу.
Она была, как ты, прекрасна,
в хрустальном спавшая гробу.
Никто над ней не пролил слёзы,
не разбудил её, увы.
Лишь льётся на неё с берёзы
всё так же тихий свет листвы,
на спящую почти полвека,
бесчувственную, в забытьи,
как и раздумья человека
о преходящем бытии.

Возвращаемся к началу –
Жить по заповедям птичьим.
Если песня отзвучала,
Мы другую вслед покличем.
Если пройдена дорога,
Мы ещё одну отыщем.
Всё у нас и в нас - от Бога –
Быть богатым или нищим,
Дураком быть или мудрым –
Всё за нас судьба решает.
С каждым новым нашим утром
Видим мы, как жизнь ветшает.
Если крыльям тесно стало
В надоевшем поднебесье,
Возвращаемся к началу –
К самой первой нашей песне.

МЕДВЕДЬ-ШАТУН

Покуда смысла нет тебе лишаться сна,
укутанный со всех сторон подкожным жиром,
ты сладко так сопишь, ты в примиренье с миром,
и не нужны тебе ни звезды, ни весна.
Снега над головой, со всех сторон снега.
Но тёпел твой мирок от ровного дыханья,
и над сугробом сна – лишь пара колыханье,
и нету над тобой ни друга, ни врага.
Но что-то, как сова, взволнует сонный лес,
тебя разбудит вдруг неясная тревога,
и звёзды хлынут вниз, и вспыхнет вдруг берлога
серебряным костром пронзивших наст небес.
И встанешь ты тогда во весь могучий рост
и, рёв свой раскидав по лесу, как валежник,
пойдёшь искать весну среди деревьев снежных,
сбивая головой сосульки звонких звёзд.

Белесый туман выплывает из лога,
Сквозь тучи сочится лучистая мякоть.
Мне видится здесь присутствие Бога,
И в грустном восторге мне хочется плакать.
Мне хочется в рощах, наполненных светом,
Бродить, не ругаясь ни с кем и не споря,

Что мир этот создан великим поэтом,
И нет в нём ни капельки мрака и горя.
Лишь с этих высот – мира светлых окраин,
Где суть постигается жизни и тлена,
Я к вам возвращусь, примирён и раскаян,
Молясь о прощении ночью и днём.
И если меня вы услышите прежде,
Чем я отвлекусь на иные молитвы,
Поймёте, что жил я всё время в надежде
На то, что окончатся вечные битвы
Меж небом и адом, меж правдой и ложью,
Что некогда нас в этой жизни венчали,
И каждому будет по милости Божьей
Отпущено в меру любви и печали.

УСТАЛОСТЬ

Я устал размышлять о себе,
горевать о своем бессилье
переделать что-то в судьбе
истязаемой вновь России.
Я устал терпеливо ждать,
что придёт и ко мне однажды
запоздалая благодать –
утолённая жизни жажда.
Я устал притворяться злым,
в зеркалах ваших душ уставаясь.
Я устал напиваться в дым,
чтоб забыть про свою усталость.

Снова вечер. Заходят тучи.
Поднимается лёгкий ветер.
Вместе с этой звездой падучей
надоело мне всё на свете.
Я светить собирался ярко,
я сиять собирался долго.
Только жизнь пронеслась насмарку,
было дешево – стало дорого,
было трудно – стало труднее,
было просто, а стало сложно.
Впрочем, я разобрался с нею.
Лишь любовь была непреложна.
Будет ливень случайный ночью,
разнесёт запах розы чайной.
Я случайно жизнь прожил, впрочем
всё на белом свете случайно.

Постарели мои друзья,
постарели мои подруги.
Жизнь бежит впереди, дразня,
и напрасны мои потуги
поравняться хотя бы с ней.
Задыхаюсь. Пора на свалку,
в кучу мусора прошлых дней.

Вот любовь ещё... Бросить жалко.
Или бросить? Но что тогда
буду делать я в мире этом,
где лишь ненависть и беда
управляют всем белым светом,
где бежать от себя нельзя,
где ты замкнут в безумном круге...
Постарели мои друзья,
постарели мои подруги.

* * *

Ты видишь эту ночь?
В ней многое творится.
Её не превозмочь,
Ей не воздать сторицей
Тому, кто потерял
Любовь, надежду, веру,
Среди кривых зеркал
Творя судьбу-химеру.
Такой напрасный труд...
И вы, конечно, правы:
Все времена пройдут
Для Бога и Варравы.
Далекие края
Мне станут благостыней.
Пустыня – жизнь моя,
Душа моя – пустыня.
Не нужен мне рассвет.
Я с этой ночью свыкся.
Я не нашёл ответ
В задачке с вечным иксом.
Так и смотрю во тьму
Глазами иноверца,
Не зная, почему
Болит и плачет сердце.

* * *

Бродя среди домов многоэтажных,
чьи окна весело сверкают по ночам,
взгляни на их сияние однажды –
моё окно ты не увидишь там.
Ты не заметишь тусклый, одинокий
мой, сдавленный ночью тьмою свет,
поскольку среди всех горящих окон
его, приятель, не было и нет.
Но если ты поднимешь взгляд усталый
в ночной зенит – среди его огней,
быть может, огонёк заметишь малый,
тот самый, что зовут душой моей.

* * *

Грядущее и прошлое мешая,
бросаю взгляд на сцену бытия.
Вся жизнь моя – трагедия смешная,
где громче всех смеюсь, конечно, я.
И нет мне ни ответа, ни привета.

В одном лице я зритель и актёр.
Но разве стоит сетовать на это,
когда у всех в партере свой клакёр.
Любви моей глупее не бывало,
и дружбы я не знал ещё глупей,
поскольку не ценили в них нисколько
неистощимой верности моей.
Среди несчастий и благополучий
в какие я ни забредал края!
Да, был и я, конечно, многих лучше,
но сколько тех, кто лучше был, чем я!
В стремнину слов входил, не зная броду...
В стремнине чувств я и сейчас тону.
Я скоморох от русского народа,
но с ним беду я прожил не одну.
И я смеюсь, я хохочу до коллик.
В честь прошлого устрою-ка банкет.
Плачу за всех! Прошу ко мне за столик!..
Но никого со мною рядом нет.

ПЕПЕЛ И АЛМАЗ

Смотрю на море... Легкий шёпот
балтийских вод – как благостыня.
А за спиной сияет Сопот,
и справа — Гданьск, а слева — Гдыня.
Мне не найти единове́рца.
Куда идти, к какой святыне?
Россия — справа, слева – сердце,
И я – ничей – посередине.
Сулят мне сумерки искусства,
и русский свет, и запах йода.
Закат янтарный, словно бусы,
висит на шее небосвода.
Я образ твой среди столетий
нашёл на полотне «Экстаза»,
в колеблющемся звёздном свете,
в лучах гранёного алмаза.
Жизнь распадается на части,
но вижу я во тьме вселенной:
под пеплом отпылавшей страсти
блестит алмаз любви нетленной.

ГЛАДИАТОР

Все меньше родных и знакомых,
Все меньше подруг и друзей.
Душа не в чертогах искомым –
В развалинах, как Колизей.
Когда-то на этой арене
Я бился в поту и крови,
Пусть даже упав на колени,
Во имя добра и любви.
Я бился за правду и волю,
А не за богатство и снедь,
За эту счастливую долю –

За душу свою умереть.
Народ на трибунах бесился,
В меня оскорбленья меча,
Но я от обид и бессилья
Не бросил щита и меча.
Века миновали... Пожары
Успели прошедшее сжечь.
Но я, всё такой же поджарый,
Стою, опираясь на меч.
Давно опустели трибуны
В руинах кровавых веков,
Но дух мой — по-прежнему юный
И к новым сраженьям готов.
Враги всё не выйдут из комы...
И память уже — как музей,
Где много родных и знакомых,
Где много подруг и друзей.

* * *

Ире Елфимовой
Явилась ты — и сгинул смерти страх,
я понял: песня жизни не допета...
Ты хрупкая, как тишина в горах,
Ты тонкая, как первый луч рассвета.
Как ветерок, легка твоя рука,
Не чувствуя её в своей — недужу.
Как ручеек, текущий с ледника,
Питаешь ты иссушенную душу.
Я нежные тебе шепчу слова
Любви, надежды, веры и участия,
В тебе я вижу образ божества
И плачу от невысказанной страсти.
И все свои оставшиеся дни
Самозабвенно я молиться буду:
«Господь, мою любимую храни,
Позволь в её судьбе случиться чуду!»
И верую, как некий прозелит,
Почувявший к всевластью принадлежность:
Твоя любовь мою любовь простит
За эту неожиданную нежность.

* * *

И. Е.

Чернильные грохочут в небе тучи,
Последний луч уже почти погас.
Не уходи — любовь звездой падучей
Пронзила мукой сладостною нас.
Я не расстанусь никогда с тобою,
Хоть между нами — прошлого следы.
Не исчезай — и небо плачет болью,
Пронизанное пламенем звезды.

КЛАДБИЩЕ АНДИНИСТОВ *
От генерала до обычного туриста,
От старика до бесшабашного юнца
Прошли они тропею андинистов
До самого конца.
Вокруг бугра, что в поле каменистом,
Стоят их склепы, стелы и кресты.
И воздухом, разреженным и чистым,
Легко им дышится... Вдохни его и ты.
Вдохни, чтоб никогда уже не стерлись
Из памяти — и речек бурый ил,
И клёкот кондоров, и крики горных горлиц,
И блеск обложенных топазами могил.

* * *

Короткая гроза
О чём-то прошумела,
Быстра, как стрекоза,
Темна, как речь Шумера,
Стара, как клочок волос
Из бороды Господней,
Влажна, как реки слёз
В песках, что нет безводней.
Но воздух душен и,
Застывший, словно в шоке,
Немного жжёт мои
Бледнеющие щеки.
И гром доносит весть
О стихнувшем ненастье,
И что-то в этом есть
Похожее на счастье.

* * *

К народу своему я приложусь,
И помянет меня родная Русь,
И поцелует в мёртвые уста
У образа распятого Христа.
И стихнет сердце грустное моё,
Как в омут, погружившись в забытьё,
В котором не сумею больше я
Припомнить боль былого бытия.